

Отзыв о докторской диссертации
Р. Г. Назирова «Традиции А. С. Пушкина
и Н. В. Гоголя в русской литературе (опыт
сравнительного исследования сюжетов
и фабул)»

А. А. Илюшин

Вопреки сложившейся традиции в этом разделе мы публикуем архивный документ. Это отзыв на текст докторской диссертации Р. Г. Назирова, который фиксирует любопытные наблюдения, ставящие диссертацию в определённый научный контекст. Отзыв принадлежит яркому учёному Александру Анатольевичу Илюшину (1940 – 2016), с которым Р. Г. Назиров познакомился ещё в аспирантские годы.

Кроме собственно научной ценности у этого документа есть и следствия, важные для воссоздания биографии Р. Г. Назирова, в которой одним из самых сложных вопросов является контекст создания и защиты докторской диссертации. Нам известно, что в целом её текст был готов уже в самом начале 1980-х годов, но защита состоялась только в 1995 году. Как следует из содержания публикуемого отзыва, он был встроен в процесс подготовки к защите, но в подписи А. А. Илюшин называет себя доцентом, следовательно, отзыв потребовался до 1990-го года, когда автор вступил в должность профессора. В том же деле имеется ещё один отзыв на текст диссертации, датированный 1985 годом. Всё это подводит к мысли, что в середине 80-х годов Назиров всё же предпринимал попытку защититься, но по каким-то причинам не достиг успеха.

Текст публикуется с любезного разрешения Людмилы Алексеевны Илюшиной.

Б. В. Орехов

Диссертация Р. Г. Назирова, первая половина которой посвящена пушкинским, а вторая — гоголевским традициям в русской литературе, побуждает — прежде всего — к пересмотру привычных представлений об этой

проблеме, сводившихся в основном к тому, что у нас не было «пушкинского» и было «гоголевское» направление, по крайней мере в прозе. Сразу же уточню: на словах значение Пушкина признавалось — для всей русской литературы — всегда, но оно плохо согласовалось с научной проверкой данного вопроса, волей-неволей устанавливавшей «несовместимость» лаконизма пушкинского стиля (избегающего психологических, да и бытовых подробностей) с избыточным многословием дальнейшей прозы, нашедшим крайнее свое выражение в романах Толстого и Достоевского. Однако диссертант сосредоточен на вопросах сюжетики и фабулистики, анализ которых убедительно показывает, что русская литература действительно шла за Пушкиным, поддерживая и развивая его традиции. Т.е. Назиров предлагает веские доказательства в пользу того, что, казалось, и не требует особых доказательств (кто же сомневался в высокой авторитетности Пушкина?), но — тем не менее — впервые с должной обстоятельностью и глубиной выясняется подлинная значимость пушкинского воздействия на прозаиков (и поэтов — во вторую очередь!) последующих поколений. Мне кажется, что в этом — главная научная заслуга автора диссертации.

Что касается гоголевских традиций, то тут вклад диссертанта в науку следует оценивать в несколько ином плане. Традиции Гоголя (в отличие от пушкинских) очевидны, бесспорны, но к этой очевидности часто приешивалось нечто облегченное, имея в виду прежде всего эпигонство «натуральной школы». Конечно, спасибо Гоголю за «натуральную школу», но важнее увидеть присутствие Гоголя в высших свершениях русской литературы XIX–XX вв. И рецензируемая диссертация позволяет разглядеть именно это.

Я воздерживаюсь от изложения самого содержания работы, иначе пришлось бы перечислить десять (5+5) сюжетов, которые «завещали» Пушкин и Гоголь русской литературе, и перехожу к замечаниям, известная (небольшая) часть которых будет иметь критический оттенок. Р. Г. Назиров иногда называет фабулой или сюжетом то, что другие исследователи, по всей вероятности, называли бы как-то иначе: ситуацией, мотивом, образом — в разных случаях по-разному. Иногда хочется возразить диссертанту: усадьба — не сюжет и не фабула, а место действия, или разговор о «мечтателе» и «лишнем человеке» касается не сюжетики и не фабулистики, а разных типов литературного героя. Конечно, все это в конечном счете небезотносительно и к сюжетно-фабульному началу (и Р. Г. Назиров, по-видимому, может это пояснить), но вопрос в том, о чем-же все-таки речь идет в первую очередь. Ответ слишком прост: о литературе. Но это звучит слишком широко, и диссертант как бы стремится уточнить и конкретизировать: не о литературе вообще, а о фабу-

лах. Да, но всегда ли — о фабулах?

Прекрасно и по-видимому показана связь сюжетно-фабульных ходов в «Онегине» и «Герое Нашего Времени». Но о какой «усадебности» может идти речь в связи с лермонтовским романом? Это остается непонятным и оставляет желать каких-то объяснений.

Несколько озадачивает отсутствие героя «Белых ночей» в разговоре о «мечтателях». Это же как раз характернейший мечтатель, так сам себя и рекомендует.

Можно сомневаться в том, что гоголевский Поприщин, в отличие от Евгения из «Медного Всадника», является носителем безусловной истины. Это преувеличение. Автора диссертации захватило обаяние этого героя, понятно, лиризм редкостный, но все же. . .

Я бы советовал убрать из заключения все, что не относится к теме и чего соответственно не было и в главной части работы. Назиров, подводя итоги, попытался сгруппировать обобщаемый материал таким образом, чтобы он выглядел как единая система, а не просто случайный набор фабул и сюжетов. Может быть, точно в той же последовательности стоило расположить и самые главы диссертации — так, как это выстроено в заключении? И еще. Подводя итоги, можно было бы добиться еще большей стройности и системности в обобщении. Так, например, все гоголевские сюжеты, как это видно по второй половине диссертации, объединены общим сквозным мотивом — мотивом спасения! Почему бы об этом не сказать в заключительной части?

Наверное, какой-то общий связующий мотив можно было бы найти и применительно к пушкинским фабулам.

Замечания эти носят более или менее частный характер. Есть и совсем уж мелкие поправки, касающиеся, к примеру, цитации стихов или относящиеся к отдельным стилистическим фигурам, использованным в работе.

В целом интересная, новаторская диссертация Назирова безусловно заслуживает одобрения. В ней нашел удачное преломление огромный исследовательский опыт автора, чьи опубликованные (по теме диссертации) труды получили широкое признание нашей научной общественности. Я всецело убежден в том, что рецензируемую работу следует рекомендовать к защите в качестве докторской диссертации.

Доцент кафедры
истории русской литературы
филологического факультета МГУ А. А. Илюшин